

«Ювенал московитов» или «московский Ювенал»? (Из заметок к литературной биографии Тютчева)*

Александр Осоват
Высшая школа экономики, Москва

1 мая 1863 г. для умирения восстания, перекинувшегося из Царства Польского в Северо-Западный край, генерал от инфантерии М.Н. Муравьев был назначен виленским генерал-губернатором.¹ Уже через несколько месяцев решительные успехи в том, что он именовал «святым делом восстановления православия и русской народности»,² сделали его объектом поклонения патриотически настроенной публики: в частности, к 8 ноября, дню своего ангела, Муравьев получил из Петербурга горельеф архистратига Михаила (с надписью *Твое имя – победа*) при адресе, подписанном многими особами большого света и некоторыми правительственными чинами во главе с графом Д.Н. Блудовым, председателем Государственного совета и Кабинета министров. Впрочем, целый ряд лиц из ближайшего окружения Александра II отказался выражать поддержку «виленскому проконсулу», а военный генерал-губернатор Петербурга светлейший князь А.А. Суворов не отказал себе воскликнуть: как можно изъявлять чувства по отношению к такому чудовищу, людоеду (в пересказах его реплики варьировались слова «croque-mitaine» и «ogre»)? что скажет на это Европа?³

* Предшествующие заметки из этой серии см.: *Литературное наследство*. Т. 97, кн. 2 (Москва, 1989), стр. 499–502; *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*. VI. Новая серия (Тарту, 2008), стр. 108–121.

- 1 Одновременно территория этого генерал-губернаторства, включавшего четыре губернии (Виленскую, Гродненскую, Ковенскую и Минскую), пополнилась еще двумя – Витебской и Могилевской.
- 2 «Готов собою жертвовать...»: *Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об умирении в нем мятежа. 1863–1866 гг.* (Москва, 2008), стр. 137.
- 3 См.: Н. Барсуков. *Жизнь и труды М.П. Погодина*. Кн. XX (С.-Петербург, 1906), стр. 294–295; А.В. Никитенко. *Дневник* (<Ленинград>, 1955). Т. II, стр. 377;

Тютчев, который гордился тяжелой рукой свойственника⁴ и живо реагировал на первые слухи о том, как «сей превосходный человек повесил двух поляков»,⁵ не только подписал адрес, но и нашел в этом эпизоде лирическую тему. Около 12 ноября 1863 г. под его пером появилось послание «Его светлости кн<язю> Ал<ександру> Арк<адьевичу> Суворову»:

Гуманный сын воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный Князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему?

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе.

<...>

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, Князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.⁶

Литературное наследство. Т. 97, кн. 2, стр. 342; *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина. 1863–1864* (Москва, 2003), стр. 325–327.

- 4 М.Н. Муравьев был женат на кузине Тютчева – Пелагее Васильевне, урожденной Шереметевой.
- 5 Из письма Эрн. Ф. Тютчевой от 19 мая 1863 г. *Старина и новизна.* (Петроград, 1917). Т. XXI, стр. 198; в оригинале: «... l'excellent homme avait fait pendre deux Polonais». См. еще письма от 1 июня и 8 июня – *там же*, стр. 199–200.
- 6 В ряд самых громких побед, одержанных А.В. Суворовым (от которого внук унаследовал титулы графа Рымникского и светлейшего князя Италийского), входил и разгром Варшавы в 1794 г.

Отделкой текста автор пренебрег (например, в первой строфе обращает на себя внимание полисемия ключевого глагола *честить* – ‘чествовать’ и ‘хулить’), однако в данном случае несовершенство формы выкупалось доходчивым содержанием и риторическим напором. 13 ноября, сообщая дочери это не предназначенное для печати стихотворение, Тютчев прибавил, что о нем «много судачат в Петербурге»;⁷ к 18 ноября, по свидетельству В.Н. Карамзина, списки послания «обошли или, скорее, обежали» обе столицы,⁸ и таким образом закулисный споспешественник национальной партии неожиданно для себя оказался в роли одного из передовых ее бойцов.

Новая социальная репутация Тютчева была удостоверена петербургским корреспондентом газеты *Таймс*. 18/30 декабря 1863 г. увидел свет его очередной отчет о военных действиях на восставших землях (помеченный 9/21 декабря), который включал следующую фразу:

Only the other days General Annenkoff⁹ liberated some score of the prisoners taken at Radziwillow during the Volhynian expedition, and if these officers have had no other reward, they have at least escaped the praise of M. Tucheff, <sic> the Muscovite Juvenal, who reserves his ridicule and his invective for those of his countrymen who are weal enough to abhor cruelty

[Только на днях генерал Анненков освободил несколько десятков пленников, захваченных при Радзивиллове во время Волынской экспедиции, и, хотя эти офицеры не получили никакой другой награды, они по крайней мере избежали похвал г-на Тучева, Ювенала московитов, который приберегает насмешки и хулы для тех своих соотечественников, кто имеет слабость ужасаться жестокостям].¹⁰

7 *Старина и новизна*. Т. XXI, стр. 215–216 (оригинал по-франц.).

8 *Литературное наследство*. Т. 97. Кн. 2, стр. 342. Ср.: Н. Барсуков. *Жизнь и труды М.П. Погодина*. Кн. XX, стр. 296–297; А.А. Комзолова. *Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ* (Москва, 2005), стр. 135, примеч. 109.

9 Имеется в виду генерал от инфантерии Н.Н. Анненков, бывший в то время киевским генерал-губернатором.

10 «The Polish Insurrection. From our Special Correspondent», *The Times*, 1863, № 24755 (December 30), p. 7.

Резюмируя здесь общий смысл послания князю Суворову (скорее всего, ставшего ему известным в устном переводе), британский журналист награждает «г-на Тучева» прозвищем, образованным по модели комплиментарного прононима «the Russian Juvenal»,¹¹ но дискредитирующим самый троп подстановкой лексемы *московит* в ее пейоративно-оценочном значении. Прозвище это было немедленно подхвачено идеологами двух враждующих лагерей, причем оба они, уклонившись от точной передачи его смысла, предложили собственные трактовки.

В заметке «Поворотная линия», помещенной в новогоднем номере *Колокола*, Герцен опубликовал тютчевское стихотворение со своим комментарием:

Корреспондент «Теймса» (30 декабря) <...> между прочим говорит о «Mr. Tucheff, the Muscovite Juvenal». Это ошибка или опечатка, *московский Ювенал* этот – Тютчев. Его милое Gelegenheitsgedicht,¹² ходившее по рукам, заслуживает небольшого веса в «Колоколе».

Говорят, что кн. Суворов отказался от поклонения Муравьеву и назвал его людоедом. «Московский Ювенал» взял свою цевницу и так защитил человека литовской бойни. <...>¹³

Хотя Герцен отнюдь не избегал применять термин «москвиты» к своим соотечественникам – см., например, его письмо Жюлю Мишле от 9/21 мая 1863 г.:

Un de mes amis, un des russes – qui heureusement ne ressemble pas à ces terribles Moscovites que vous nous donnez dans vos «Légendes»...

[Один из моих друзей, один из тех русских, которые, к счастью, не ходят на ужасных москвитов, выведенных в ваших «Легендах»...],¹⁴ –

11 В английской печати так, например, аттестовался М.Е. Салтыков-Щедрин.

12 Стихотворение на случай (нем.)

13 *Колокол*, 1 января 1864 [20 декабря 1863], лист 176, стр. 1452; А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 т.* Т. XVIII (Москва, 1959), стр. 19 (с двумя опечатками в цитате: «...the Moscowite Juvenal»).

14 А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 т.* Т. XXVII. Кн. 1, стр. 329. Здесь имеются в виду книги Мишле «Польша и Россия. Легенда о Костюшко» (1851) и «Демократические легенды Севера» (1854).

в процитированном пассаже лансируется выражение «московский Ювенал». Этот выбор, по всей вероятности, продиктован полемической установкой – издатель *Колокола* ассоциирует Тютчева даже не с официальным курсом петербургского кабинета, но с направлением газеты *Московские Ведомости*,¹⁵ на страницах которой М.Н. Катков регулярно требовал тотального искоренения «старой польской национальности», «старого польского духа».

В финальной ремарке «Поворотной линии», непосредственно следующей за текстом тютчевского опуса, Герцен еще раз обыграл свой вариант прозвища:

Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?.. Вот что значит перейти из декабриста – в... Московские Ювеналы.¹⁶

Заключительная фраза может вызвать недоумение. Герцен, лучше многих других осведомленный в истории тайных обществ первой половины 1820-х гг., не имел оснований аттестовать Тютчева «декабристом»¹⁷ – если

15 См. в этой связи: R.C. Lane, “Tyutčev’ role as mediator between the Government and M.N. Katkov (1863–1866)”, *Russian Literature*, 17 (1985), p. 111–126.

16 *Колокол*, 1 января 1864, лист 176, стр. 1452; А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 т.* Т. XVIII, стр. 20.

17 Невозможно допустить, чтобы Герцен перепутал поэта Тютчева с А.И. Тютчевым, капитаном Пензенского пехотного полка, членом Общества соединенных славян, осужденным по II разряду и по конфирмации приговоренным в каторжную работу на 20 лет (см. подробнее: В.П. Алексеев, «Другие Тютчевы, другой Федор Иванович», *Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия*. Брянск, 2005, стр. 97–102). Укажем, в частности, на опубликованные Герценом мемуары И.Д. Якушкина, где фигурируют как член «Гайного общества» Тютчев, служивший в Юго-Западном крае, так и московский «Н.И. Тютчев, отец Ф.И. Тютчева и Д.И., вышедшей замуж за Сушкова» – *Записки декабристов*. Вып. 1. *Записки Ивана Дмитриевича Якушкина* (Лондон, 1862), стр. 74, 105; *Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина* (Москва, 1951), стр. 55–56, 77. Заметим попутно, что в Сибири бытовала легенда о некоем заговоре против Николая I, в котором принял участие «сенатор» Тютчев; авторство этой легенды и сложенной на ее основе песни приписывалось декабристу А.И. Тютчеву (см.: А. Косованов, «Заговор декабристов в сибирских песнях и легендах», *Сибирские огни*, 1925, кн. 6, стр. 123–124; Н. Ончуков, «Песни и легенды о декабристах», *Звенья*. V (Москва-Ленинград, 1935), стр. 25–27). Впрочем, в последней работе А.И. Тютчев назван «братом поэта Ф.И. Тютчева» (стр. 25, примеч. 6).

только не сообщать этому слову самое широкое толкование. Комментаторы академического издания предполагают, что в московских кружках 1840-х гг. Герцен слышал рассказы Д.Н. Свербеева о том, как за двадцать лет до того они с Тютчевым высказывались в мюнхенских салонах за отмену крепостного права и в пользу участия «всего народа» «в правительстве»;¹⁸ не оспаривая эту гипотезу, мы, со своей стороны, переведем внимание на тот риторический прием, который использован в обсуждаемой фразе. Современникам было хорошо известно и о принадлежности М.Н. Муравьева к «заговорщикам» александровской эпохи (2 июня 1826 г. его освободили из-под стражи с оправдательным аттестатом), и об изречении: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают», – ставшем особенно популярным в бытность его виленским генерал-губернатором.¹⁹ Согласно герценовскому подходу как раз биографию Муравьева следует интерпретировать под знаком «перехода» из «декабриста» в слугу режима («человека литовской бойни»),²⁰ и не исключено, что рефлекс данной схемы – в силу контекстуальной смежности – окрасил суждение о судьбе Тютчева.

В России еще продолжался 1863 год, когда на корреспонденцию в номере *Таймс* от 30 декабря отреагировал издатель *Московских Ведомостей*. По цензурным соображениям Катков не мог даже намекнуть на содержание неудобной для печати инвективы, адресованной столичному генерал-губернатору, и тем более раскрыть имена участников конфликта; кроме

18 См.: *Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826)* (Москва, 1899), стр. 143. Примеч.; ср.: А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 т.* Т. XVIII, стр. 533. Здесь высказано также предположение о знакомстве Герцена с копией тютчевского стихотворения <<Огнем свободы пламеня.»> (1820; опубликовано в 1887 г.), однако, во-первых, оно не дает оснований для вывода о декабристских настроениях автора (см. концовку: «Певец! Под царскою парчою Своей волшебною струною Смягчай, а не тревожь сердца!»), а во-вторых, никаких «нелегальных списков», в которых «распространялось» это стихотворение, доселе не обнаружено.

19 См., например: *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Московский университет* (Москва, 1929), стр. 99; П.В. Долгоруков. *Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта, 1860–1867* (Москва, 1992), стр. 317–318.

20 Научный подход к его биографии см.: М.Д. Долбилов, ««...Считал себя обязанным в сем участвовать»: почему М.Н. Муравьев не отсекся от Союза благоденствия?», *Консерватизм в России и мире* (Воронеж, 2004). Ч. 1, стр. 191–217.

того, испытывая идиосинкразию к русофобскому, на его вкус, термину «Московия» /«московит»,²¹ он решил заменить интересующее нас прозвище на стандартный проним. В итоге ему пришлось изъясняться многозначительными обиняками:

Он <английский журналист> даже рассказывает историю одного стихотворения и с иронией отзывается об его авторе как о русском Ювенале. Печальное возмездие! Стихотворение, которое доведено до сведения новоприбывшего великого судьи русских национальных интересов, присланного иностранною газетой, уже давно облетело Россию и с сочувствием прочтено всеми. Болтовня журнального корреспондента не поправит дело и не изгладит этого стихотворения из памяти русских людей.²²

Впрочем, если прозвище Тютчева, данное в заметке *Таймс*, и версия Каткова остались без дальнейшего употребления, то версия Герцена получила, по-видимому, некоторое распространение. В книге о петербургском дворе, написанной довольно известным немецким журналистом, историком и дипломатом Юлиусом фон Экардтом (в 1861–1867 гг. он редактировал газету *Rigasche Zeitung*)²³ и анонимно вышедшей в год смерти Тютчева, целая глава посвящена дочери графа Блудова – незамужней графине Антонине Дмитриевне («Comtesse Antoinette»), которую автор назвал «душой» («die Seele») партии русских националистов. Среди прочего Экардт дал оценку и ее роли в кружке доверенных лиц императрицы Марии Александровны:

Dieses Kreises bedienten die nationalen Propheten Moskau's sich, um Alles zu verdächtigen, was der in Polen und Lithauen geübten Politik Widerstand zu leisten, dem Cultus Murawiew's Spott und Verachtung entgegenzusetzen den

21 См. в одной из его передовиц того времени: «польские юноши» твердо верят, что «ни истории России, ни самой России нет, а есть Московия, страна, обитаемая незаконными вырожденками Чухон и Татар...» – *Московские Ведомости*. 1863, № 237, 31 октября; *Собрание передовых статей «Московских Ведомостей»*. 1863 год (Москва, 1897), стр. 645.

22 *Московские Ведомости*, 1863, № 281, 24 декабря; *Собрание передовых статей «Московских Ведомостей»*. 1863 год, стр. 777.

23 См.: J. Bräuer. *Das Russlandbild des Julius von Eckardt (1836–1908)* (Münster, 2005).

Muth hatte. <...> Als der blutige Proconsul von Wilna im Frühjahr 1865 nach Petersburg kam, um über die Früchte seiner Thätigkeit Bericht zu erstatten, stand die Gräfin an der Spitze des Comité, das Murawiew einen festlichen Empfang bereitete. Sie hatte das Geld zu dem kostbaren, den Schutzpatron Murawiew's, Sankt Michael darstellenden Heiligenbilde gesammelt, das dem «Wiederhersteller der Rechtgläubigkeit in unsern westlichen Grenzländern» auf dem Bahnhofe überreicht wurde, – sie wand die Kränze, mit denen der Stuhl geschmückt war, auf welchem die Gebeine des halbgelähmten Greises an den Wagen getragen wurden; sie hielt «im Namen der Damen Petersburgs» die Begrüßungsrede, von ihr waren die Verse bestellt, in denen der «grosse Missionär» von Herrn Tutschew (dem plötzlich in die Mode gekommenen, jetzt wieder vergessenen Juvenal von Moskau) angesungen wurde...

[При поддержке этого круга московские пророки национализма ставили под подозрение всех, кто имел мужество сопротивляться той политике, которая творилась в Польше и Литве, и смотреть с презрением и насмешкой на культ Муравьева. <...> Когда весной 1865 года кровавый проконсул Вильны прибыл в Петербург доложить о плодах своей деятельности, графиня возглавила комитет по подготовке торжественной встречи Муравьеву. Она собрала деньги на богато украшенную икону Михаила Архангела, небесного покровителя Муравьева, которая на вокзале была вручена «восстановителю истинной веры в наших западных краях»; она сплела венцы, украшавшие кресло, в котором скелет полупарализованного старика перенесли в карету; она «от имени дам Петербурга» произносила приветственную речь; ею были заказаны стихи, в которых «великого миссионера» воспевал господин Тютчев (неожиданно вошедший в моду, а ныне снова забытый московский Ювенал)...].²⁴

В рассказе Экардта произошла контаминация двух эпизодов – церемонии отправки горельефа архистратига Михаила из Петербурга в Вильну, имевшей место в начале ноября 1863 г. (см. выше), и приезда Муравьева

24 <J. von Eckardt>. *Aus der Petersburger Gesellschaft* (Leipzig, 1873), S. 36–37; То же. Fünfte, vermehrte und bis auf die Gegenwart fortgeführte Auflage (Leipzig, 1880), S. 95–97. Эта книга сразу появилась в английском переводе, где концовка процитированного пассажа выглядела так: ... by her <the Countess Bludoff> the verses were suggested in which «the great missionary» was greeted by Herr Tutschew (the Juvenal of Moscow, then suddenly in vogue and now again forgotten)...» – *Distinguished Persons in Russian Society*. Translated from the German by F.E. Bunnè (London, 1873), p. 46.

в столицу, состоявшегося 19 марта 1865 г.²⁵ Вместе с тем представленная здесь характеристика А.Д. Блудовой вполне соответствует той картине, которая складывается из давно известных мемуарных источников, и, учитывая близкие отношения, связывавшие в этот период Тютчева и семью Блудовых,²⁶ мы должны со вниманием отнестись к сообщению о том, что именно она инспирировала стихотворный отклик на демарш князя Суворова.²⁷

Аттестация же «московский Ювенал», вписывающая Тютчева (возможно, с опорой на заметку в *Колоколе*) в ряд «пророков московского национализма» во главе с Катковым, сопровождается другим немаловажным свидетельством («а ныне снова забытый») – в последние годы поэта его репутация в глазах широкой публики действительно резко идет на ущерб.

25 Муравьев в самом деле прибыл «совершенно больным», поэтому его аудиенция у императора, во время которой он испросил увольнение от должности виленского генерал-губернатора, была отложена до 24 апреля 1865 г. – «*Готов собою жертвовать...*»: *Записки графа Михаила Николаевича Муравьева*, стр. 181, 189–192; ср.: *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милюткина: 1865–1867* (Москва, 2005), стр. 42.

26 См.: *Литературное наследство*. Т. 97, кн. 2, стр. 340 и след.

27 Ср. в этой связи разбор послания в заметке П.В. Долгорукова «Двоюродная пошлость, стихотворение Федора Ивановича Тютчева»: «Есть люди, которые устоят против искушений денежных, люди неподкупные, но которыми можно завладеть вежливостью, ласками, лестью и, в особенности, ежедневным собеседничеством. <...> Чтение последнего стихотворения Федора Ивановича доказывает, до какой степени влияние окружающей среды может ослепить ум и помутить рассудок стихотворца» – *Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым* (<Лондон>, 1864), 1 января, № 17; цит. по: *Литературное наследство*. Т. 97, кн. 2, стр. 346, примеч. 14.